

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35277

КАВКАЗСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ МУССА-БИЯ ТУГАНОВА

И.-Б.Т. Марзоев
Г.В. Чочиев

Важной особенностью мемуаров является повествование о событиях, в которых автор принимал непосредственное участие. Предлагаемая работа посвящена исследованию воспоминаний кавказского эмигранта Мусса-Бия Джанхотовича Туганова, прожившего сложную жизнь, полную трагедий и лишений. Родившись в семье осетинского аристократа, офицера русской императорской армии, Мусса-Бий провел детство в родной Осетии, несколько лет в качестве хъана (воспитанника) находился в семье аталыков (воспитателей), затем, получив начальное домашнее образование, окончил мужскую классическую гимназию во Владикавказе. Как и его отец, начал свою служебную карьеру в российской армии. Участвовал в Первой мировой войне и гражданской войне в России в составе деникинской Добровольческой армии. Не успев эмигрировать, был арестован органами советской власти, чудом избежав расстрела, отправлен в трудовой лагерь под Псковом. Сумев сбежать из лагеря, через Латвию попал в Германию, позже перебрался в Швецию, где умер в 1950 г. и похоронен в пригороде Стокгольма. Мемуары М. Дж. Туганова охватывают всю жизнь автора, в них отражены различные ее периоды. Имеет место некоторая субъективность, которая объясняется преломлением описываемых автором событий через призму его восприятия. Ценность предлагаемых читателю воспоминаний Туганова заключается в детальном описании осетинских национальных традиций и обычаев, сопровождаемом произведениями народного фольклора. Автор повествует о трагических событиях в России и на Кавказе начала XX в. Данное произведение, переведенное на русский язык и впервые вводимое в научный оборот, является ценным историческим источником для исследователей дореволюционной Осетии и России.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Осетия, мемуары, аристократия, революция, гражданская война.

Мусса-Бий (Муса-Бек) Туганов родился 24 августа 1882 г. в Осетии в селении Туганово в семье дигорского баделята Джанхота Аслан-Мурзаевича Туганова (род. в 1831 г. – ум. в 1913 г.). Его мать Бабица (Иза) была кабардинкой и принадлежала к знатному кабардинскому роду Анзоровых (ум. в декабре 1895 г.).

Отец Мусса-Бия Джанхот, прапорщик, в 1850-1851 гг. служил в Собственном Его

Императорского Величества Конвое. Был избран депутатом окружного народного суда. Известно, что в 1865 г. он выступил медиатором со стороны баделят в деле о смертельном ранении жены Кубади Кантемирова. Гостивший в доме Кантемировых их родственник Гери Кубатиев, снимая со стены пистолет, нечаянно выстрелил и ранил в руку жену хозяина Дзахират Кубадиевну Карабугаеву, в результате чего она че-

рез двадцать дней умерла. Со стороны баделят медиаторами выступали подполковник Иналук Кубатиев и прапорщик Джанхот Туганов, а со стороны царгасат – Магомет Кулиев и Батырби Кантемиров [1, 2-3].

В числе представителей привилегированных фамилий тагаурского, куртатинского, алагирского и дигорского обществ Осетии прапорщик Джанхот Туганов подписал «Свидетельство» алагирским фамилиям Мзоковых и Аладжиковых от 10 мая 1871 г. о том, что «они издревле пользовались в Осетии всеми правами наравне с привилегированными осетинскими фамилиями» [2, 165].

Дж. Туганов являлся крупным коннозаводчиком. В «Ведомости о численности лошадей табунного коневодства в Осетинском округе» за апрель 1870 г. значился и его имя. Указано, что в табуне Джанхота Туганова насчитывалось 177 голов, зимовавших на собственной земле Тугановых [3, 41 об.]. Высочайшим приказом по Военному ведомству от 25 февраля 1893 г. состоящий по армейской кавалерии корнет Джанхот Туганов уволен от службы по домашним обстоятельствам [4].

Кроме младшего сына Мусса-Бия в семье было еще трое детей: Афако (род. в 1863 г.), Губата (род. в 1865 г.) и Магомет-Гирей (род. в 1868 г.).

В доме Джанхота Туганова воспитывалась также Дзилла-Гуаша Пшимаховна Текаева-Карабугаева, откуда она была выдана замуж за куртатинского таубия Хаджи-Умара Цобикоевича Гуриева.

Мусса-Бий Джанхотович Туганов, согласно традиции аталычества, до двенадцати лет воспитывался в доме своих воспитателей-аталыков. Затем поступил во Владикавказскую классическую мужскую гимназию. В течение года служил в российской армии в драгунском полку в Тифлисе и Карсе.

В 1902 г. по поручению своего отца и с согласия русского правительства отправился в Османскую империю с целью организации возвращения на родину части переселившихся туда кавказских мухаджи-

ров. При содействии друзей отца из числа турецких черкесов был зачислен в османскую армию в звании лейтенанта. Некоторое время даже являлся адъютантом султана Абдул-Хамида II. Впоследствии из-за связей с оппозиционно настроенными лицами был сослан в Сирию. Подружившись с военным губернатором этой провинции Хаккы-пашой, пытался помочь поселенным там черкесам вернуться на Кавказ. После отстранения Хаккы-паши от должности, опасаясь, что также будет подвергнут репрессиям, тайно покинул регион. В сентябре 1907 г. вернулся на Кавказ [5, 44-104].

Во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. Мусса-Бий Туганов служил офицером интендантской службы в российской армии. После революции, вплоть до конца 1920 г., находился в том же качестве в составе деникинской Добровольческой армии. После ее разгрома, не успев бежать за границу, был арестован ЧК. Чудом избежав расстрела, был отправлен в трудовой лагерь под Псковом. Оттуда бежал в Латвию. Позднее переселился в Берлин. В первое время сотрудничал с обосновавшимися в Германии монархистски настроенными группами российской эмиграции, пытаясь добиться от них поддержки своего проекта освобождения от большевистской власти Кавказа и остальной России. Впоследствии отошел от политической деятельности [5, 105-190; 6].

В первом браке (1913 г.) Мусса-Бий Туганов был женат на дочери дигорского баделята Дзабиде Бимболатовне Кубатиевой (род. в 1892 г.). От этого брака родилась дочь Лиля (род. в 1914 г.). Жена и дочь остались в Осетии. В 1940 г. женился на шведской подданной Элин Сесилии Андерссон. Брак был заключен в Германии. Примерно в 1943-1944 г. или чуть позже пара переехала в Швецию. Умер М. Дж. Туганов 31 декабря 1950 г. Похоронен в городке Сальтшёбаден близ Стокгольма [6, 6-8].

В 1936 г. британским издательством Odhams Press был опубликован сборник рассказов «Пятьдесят невероятных побе-

гов» [7, 112-113], содержащий небольшие новеллы в основном биографического характера, объединенные идеей чудесного спасительного побега. Одна из этих пятидесяти историй представляет интерес не только как литературный, но и как исторический источник, имеющий отношение к становлению советской власти в России. Это рассказ «Вызванный на расстрел», автором которого является не кто иной, как Мусса-Бий Туганов. Очерк был переведен на русский язык и опубликован А. А. Цуциевым [8, 114-129].

В том же 1936 г. в Лондоне вышла в свет и полная версия мемуаров М. Туганова – книга «От царя до ЧК: история черкеса при царе, падишахе и ЧК» с приложением кавказских легенд и сказок [7, 112], вероятно, переведенная на английский язык с написанной на немецком авторской рукописи. В 2015 г. книга была переведена на турецкий язык и опубликована в одном из кавказских издательств Стамбула [5]. Именно с последнего издания сделан прилагаемый ниже русский перевод трех первых глав воспоминаний.

Книга повествует о судьбе М. Туганова в различные периоды его жизни, в частности она включает в себя кавказские воспоминания, период его нахождения в Османской империи, возвращение в Россию и эмиграцию.

Интерес представляет приводимая автором подробная версия о венгерском происхождении родоначальника привилегированного сословия дигорского общества Осетии – Бадели – и его прибытии на Кавказ.

В книге встречаются и некоторые неточности и фактологические ошибки, как, например, национальность жены Бадели – карачаевской княжны Крым-Шамхаловой, которую автор ошибочно называет кабардинкой. Также автор порой смешивает различные исторические сюжеты, отраженные в произведениях народного фольклора. Впрочем, в предисловии к своему труду он сам предупреждает о возможности подоб-

ных ошибок, объясняющихся отсутствием у него в эмиграции соответствующих записей и источников.

Говоря об осетинах, автор часто называет их черкесами, возможно, считая этот термин более понятным и привычным для западной (немецкой) публики, которой в первую очередь и были адресованы мемуары. В то же время иногда черкесами (реже также дагестанцами) называются все кавказцы. То же относится и к термину *Дагестан*, которым автор называет страну гор – Кавказ.

Мусса-Бий Туганов являлся очевидцем бурных и противоречивых событий, происходивших в Осетии и России в конце XIX и первой четверти XX в., и тем более ценными представляются его свидетельства и воспоминания о тех годах.

Автор ярко и в подробностях описывает традиционные институты осетин и других кавказских народов, обычаи гостеприимства, аталычества, кровной мести, свадебный обряд и народные празднества. Для иллюстрации своих воспоминаний им часто используются народные предания. Интерес у читателей и исследователей может вызвать и детальное описание предметов осетинской национальной одежды, как мужской, так и женской, а также домашнего быта того времени. Значительное место в мемуарах отведено Кавказской войне и взаимоотношениям горских народов с представителями царской администрации на Кавказе.

Предлагаемая читателю в переводе на русский язык начальная часть воспоминаний М. Дж. Туганова по существу впервые вводится в научный оборот. В ней автор сквозь призму собственного восприятия повествует о положении и непростой судьбе народов Кавказа и России вплоть до начала XX в. Полагаем, что представленный материал может стать ценным источником для исследователей истории и культуры дореволюционной Осетии и в целом Кавказа.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал эти воспоминания спустя много лет после того, как произошли описываемые в них события. В моем распоряжении не было дневников или заметок, и я был вынужден полагаться целиком на свою память. Вполне возможно поэтому, что где-то мною указаны неверные даты или имена. Мой кавказский дом часто изображался в ложном и фантастическом свете. Я буду рад, если моя книга поможет создать его более правдивую и точную картину.

М.-Б. Туганов
Берлин, 1936 г.

ГЛАВА I

1

В 889 году Арпад, сын мадьярского герцога Альмоша, был избран главой мадьяров. Он является основателем венгерского государства, национальным героем, который по сей день живет в песнях и легендах. Он одолел моравов, герцогов Трансильвании, хорватов и словенцев. Призванный на помощь византийским императором против болгар, он сделал болгарского царя Симеона его вассалом. Его завоевательные походы дважды приводили его в Италию. Четверо из его пяти сыновей погибли в битвах. Арпад умер в 907 году, обеспечив передачу власти своему последнему и самому младшему сыну Жольту, который поднял статус династии с уровня выборных герцогов до уровня наследственных королей.

В 972 году праведная Шарольта, жена Гезы, внука Жольта, впервые позволила проповедовать в Венгрии христианство под своим покровительством, а ее сын Иштван был объявлен церковью святым за предоставление ей почти неограниченной власти в королевстве. В сущности именно власть христианских священников и германских рыцарей превратила дикие и первоначально полупокоренные племена в цивилизованный народ. Династия Арпада пра-

вила на протяжении четырехсот лет, пока в 1301 году Андраш III не потерял трон в продолжительной гражданской войне с могущественной мадьярской знатью.

В 1279 году Ласло IV, который до этого поссорился с папой, был отлучен от церкви, и его знать таким образом освободилась от всех обязательств перед ним. Мятежи следовали один за другим, пока наконец король не был убит восставшими. Но отлучение, это страшное оружие пап, не перестало действовать со смертью несчастного короля. Оно было перенесено на его семью, которая, не будучи в состоянии подчинить народ, вынуждена была бежать из страны. Под предводительством князя Боделы, основателя моего рода, изгнанники вместе с сохранившимися им верность сторонниками начали поиски нового дома. Они нашли страну, чей дикий, но рыцарственный народ привлек их, – Кавказ. Однако они пришли туда не как беженцы, а как завоеватели. Они принесли с собой огнестрельное оружие, и жители Дагестана¹ сочли непобедимых чужестранцев расой богоподобных героев. Боделе не составило труда найти опору в Осетии и Дигории, где была знать, но не было правителя, однако соседние государства – Грузия, Имеретия и Абхазия – представляли собой могущественное царство с вассальными князьями и дворянами. Попытаться захватить всю страну было бы безумием для Боделы с его горсткой мадьяров. Он избрал более дипломатичный путь и заключил договор о дружбе с Грузией. Но на его пути все еще стояла Кабарда, и здесь он прибег к самому легкому способу из всех: он попросил руки красивой кабардинской княжны Крымшамхаловой. Чужестранец мог понравиться ей; с другой стороны, ее мнения могли и вовсе не спросить, так как она была нужна для заключения мира с буйным завоевателем. Несмотря на это, война все же разразилась. Князь кабардинцев Кайтукин вовсе не собирался безоговорочно подчиниться своему ново-

му родственнику. Он собрал свое племя и решил выдворить чужеземцев.

Но даже он был в конце концов принужден к заключению мира, и произошло это благодаря одному искусному выстрелу. Один из мадьяров Боделы увидел, как князь на отдалении подносит к своим губам серебряную чашу, чтобы выпить из нее, и выстрелом выбил ее из его рук. Это произвело такое впечатление на Кайтукина, что он решил, что лучше быть другом, нежели врагом человека, обладающего такой меткостью. И с того дня истинная дружба связала Кайтукина и Боделу, дружба, которую Кайтукин перенес и на сына Боделы после смерти отца. Благодаря примеру Кайтукина и отваге Боделы осетины подчинились добровольно, и только ингуши остались независимыми. Этот разбойничий народ никогда не мирился с принуждением; даже русские не смогли их покорить.

Бодела построил себе на берегу Терека укрепленный замок в форме мальтийского креста. Он еще стоит сегодня, и это мой родовой дом. Бодела был набожным католиком и умер христианином, однако его наследники, естественно, не могли оставаться таковыми в исламской стране и управлять, будучи христианами, мусульманским народом, считавшим их неверными. Они приняли ислам.

Из трех сыновей Боделы двое умерли. Третий, князь Туган, также женился на кабардинке, принадлежавшей к фамилии Тамбиевых. Именно от него наша фамилия получила свое название. Первые столкновения с русскими и казаками начались в его время, а его лучшим союзником был старый друг его отца Кайтукин. Этот Кайтукин по сей день прославляется в песнях и легендах. Небольшого роста, он был наделен всеми аристократическими и рыцарскими достоинствами и, по преданию, обладал почти сверхчеловеческой силой. Однажды, когда битва была в разгаре между черкесами и русскими на берегу Терека и победа долго не доставалась ни одной из сторон, русский военачальник князь Волконский, человек

медвежьей силы, вызвал кавказца на поединок, и Кайтукин пленил своего противника. Он, однако, обошелся с ним не как с побежденным врагом, а как с почетным гостем. Как-то князь Волконский спросил, может ли он увидеть своего победителя, «человека с горящими, как огонь, глазами». Улыбаясь, Кайтукин выполнил его просьбу, и прежние враги так понравились друг другу, что поклялись отныне стать друзьями и обменялись саблями. Вскоре Кайтукин освободил своего пленника и даже сопроводил его до русского лагеря. К сожалению, такое рыцарское поведение не встречалось в более поздних войнах.

Во время царствования Екатерины II борьба между народами перешла в настоящую завоевательную войну, но горские племена умело защищали свою свободу. Лишь спустя столетие, используя превосходящие силы и свежие подкрепления против обесиленных кавказцев, русские смогли одержать бесславную победу, которая, подобно многим победам в истории России, едва ли может делать им честь. Собственно, русским почти всегда приходилось сражаться под предводительством слабых лидеров. Силы Петра I отступили перед маленькой шведской армией Карла XII, а в его победе под Полтавой нет ничего эпического. Орды Ивана Грозного сеяли вокруг себя страх грабежами и убийствами, но перед железной стеной германских рыцарей они оказались бессильны. Фридрих II, великий прусский король, победил русских. Наполеон был разбит русской зимой, но никак не русской армией. Крымская война была проиграна. Героем турецкой войны был Осман-паша, а не Скобелев. Русско-японская война стала позором российского командования. А о том, как бесславно «русский каток» утонул в болотах Мазурии², помнит недавняя история.

Русскому солдату неведома тяжелая, суровая потребность защищать свою родину; для русских целью войны был захват добычи или в лучшем случае жажда сражений и побед. Они – жители равнин без истинной

культуры, то есть без ментального порядка и дисциплины, и, поскольку, несмотря на богатство их собственной страны, им требуется постоянная экспансия, они стремятся к завоеваниям. Даже сегодня существует опасность разлива русских волн в западном направлении, и несчастна будет страна, которая не возведет мощный вал против них.

Неудивительно поэтому, что русские не стяжали каких-либо лавров на Кавказе в своей борьбе против народов, стоявших неизмеримо выше них в моральном и культурном отношении. Эти войны стоили жизни нескольким моим предкам: один попал в заложники к Екатерине II, другой был застрелен, третий погиб в битве и так далее. В ходе этих войн наша фамилия впервые получила известность как «Тугановы сыновья», что в различных кавказских диалектах звучит следующим образом: *Туганфурд* (по-дигорски), *Тугануке* (по-кабардински), *Туганфырд* (по-осетински). Нынешняя форма – Туганов – впервые появилась в середине прошлого века, когда многие старинные роды русифицировали свои фамилии, как, например, Алдаровы, Эристовы или Андреньёвы³.

Начиная со времен Екатерины сражения на Кавказе не прекращались, пока в 1850 году эта ужасная семидесятилетняя война ненависти не завершилась уничтожением древней культуры Кавказа, разрушением его государств и пролитыми потоками его благороднейшей крови. Это не дало России ничего, кроме мятежного народа, преисполненного ненависти к новым правителям, которым он так и не стал и никогда не станет предан. Преемники Екатерины – Павел и его сын и убийца Александр I – не достигли больших успехов. При них имела место в основном партизанская война, а потом начались наполеоновские войны, когда русские войска были заняты в других регионах. Невелики были и лавры, добытые на Кавказе русскими генералами: Вельяминов, граф Евдокимов, принц Барятинский, Ермолов, граф Паскевич, князь Воронцов, барон Кнорринг, – все они на-

прасно принесли в жертву гекатомбы своих солдат, истребленных в кавказских горах. Лишь в период царствования Николая I изнуренным горским племенам, потерявших в боях своих храбрейших воинов, пришлось отступить перед непреодолимыми трудностями и неслыханной жестокостью⁴.

Финальная победа досталась графу Паскевичу и князю Барятинскому, когда сдался один из последних сопротивляющихся – отважный князь Абхазии Шервашидзе⁵. К тому времени Грузия уже вошла под покровительство империи. Другие же народы были вскоре почти полностью выкорчеваны из родной земли, как это произошло с черкесами, которые тысячами стихийно отправились в изгнание, чтобы искать убежища во владениях турецкого султана и обрести там новый дом. Спустя много лет мне придется решать задачу возвращения этих скитальцев обратно на родину.

Немногие войны в истории могут сравниться с русско-кавказским противостоянием по жестокости и безжалостности истребления. Целые общества уничтожались, после чего на незащищенные полуопустевшие села спускали казаков. Каждый, кто хотя бы однажды слышал казачий клич, понимает, что это значит. Дома сжигались, цветущие сады разрушались, мужчины, женщины и дети подвергались избиению. Ни одному живому существу не давалась пощада, и русские генералы поощряли это массовое убийство или, по крайней мере, не пытались его остановить. Лучшим из них был князь Воронцов, интеллигентный человек, прилагавший определенные усилия к тому, чтобы сохранять остатки гуманности в своей недостойной работе. Его противоположностью являлся барон Кнорринг, прибалт, который, подобно большинству его соотечественников, находившихся на российской службе, изо всех сил старался доказать свою лояльность русским. Им противостояли кавказские лидеры – лезгин Шамиль⁶ и аварец Хаджи-Мурат.

Жизни обоих этих людей представляют собой героическую сагу, ничем не уступаю-

щую эпическим произведениям античных времен. Трудно сказать, каким был бы исход войны, не будь два этих национальных героя злейшими врагами с самого их детства. Однажды Шамиль позволил себе поддаться эмоциям и ударил Хаджи-Мурата, чего тот никогда ему не простил. Шамиль был последним имамом Дагестана, правителем, обладавшим не только духовной, но и светской властью, которому были преданы его войска. Когда в начале 19 века он объявил священную войну против России, он смог быстро собрать под знамя Пророка 12000 воинов. Он нанес русским жестокие поражения и с упорством и отвагой защищал свою страну, без регулярной армии, с устаревшим оружием и артиллерией, которую сперва надо было захватить у врага. Даже противники признавали его полководческий гений. С неослабной волей он старался объединить все дагестанские, то есть северокавказские племена под своим руководством. Он не терпел никакого противления своей власти и относился к любому отличному мнению как к измене священному делу. На этом пути он совершил роковой шаг, который стоил жизни многим тысячам его людей. Аварцы отказались повиноваться ему. Их молодой хан прислушивался к советам своей матери, которая, опасаясь ужасов войны, желала любой ценой обеспечить нейтралитет Аварии. Послы Шамиля прибыли ко двору хана и передали ему приказ имама о том, что он должен явиться в его лагерь для обсуждения условий нейтралитета. Хан колебался, ибо дерзкая бесцеремонность, с которой Шамиль навязывал свою волю, была слишком хорошо известна. Тогда его мать пригрозила, что сама отправится в лагерь Шамиля, чтобы ходатайствовать за аварцев, коль скоро он, хан, столь труслив, и после этого упрека хан немедленно выступил в путь вместе со своим младшим братом Омаром и двумя сотнями всадников. Однако в лагере о нейтралитете не было произнесено ни единого слова, Шамиль лишь потребовал от хана безоговорочно

подчиниться ему. Когда молодой правитель напомнил о данных послами обещаниях, вспыхнул яростный спор, завершившийся страшным кровопролитием. Хан, его брат и спутники были изрублены, и лишь двум воинам удалось пробиться сквозь толпу. Это были Хаджи-Мурат и его брат Осман⁶.

Истинным вдохновителем и советчиком Шамиля в этом кровавом заговоре являлся Гамзат-бек. Поэтому Хаджи-Мурат подстерег его в первую же пятницу после гибели хана во дворе мечети и застрелил собственной рукой⁸. Шамиль приказал Хаджи-Мурату и аварцам сдаться, но, поскольку он лишь отомстил за своего убитого друга, все аварцы сплотились вокруг него, и он был избран новым ханом. Это положило начало ужасной междоусобной войне, в ходе которой отчаянно храбрый Хаджи-Мурат и его аварцы дважды заставили отступить значительно превосходящие силы Шамиля. В конечном счете, однако, ему не удалось устоять, и от безысходности он пошел на заключение союза с русскими. Россия пообещала аварцам сохранить их независимость, но потребовала взамен предоставить ей свободный проход через их страну, тем самым овладев без единого выстрела важнейшим регионом и приблизив на многие годы падение всего Кавказа. Шамиль был вне себя, когда узнал об этом. Он собрал свои лучшие силы и отдал их под командование наиба Мирза-Анзора⁹, моего деда по материнской линии, повелев ему наказывать предателя. Однако прежде, чем моему деду удалось добраться до Хаджи-Мурата, он столкнулся с его русскими союзниками под командованием барона Розена и разбил их. После этого он без колебаний атаковал вторую русскую армию, которая также была разгромлена, причем ее командир генерал Ласковский погиб в том сражении. Шамиль и наиб Мирза-Анзор уже стояли на границе Аварии, когда третья русская армия совместно с силами Хаджи-Мурата выдвинулась против них и отбросила кавказцев назад. Победенный имам вы-

нужден был покинуть аварские пределы, и на протяжении следующих семи лет Хаджи-Мурат управлял своим народом под защитой России, восстановив мир и порядок. В течение всего этого времени аварский регион служил базой для операций русских, откуда они могли достигать других северокавказских территорий.

Русские с удовольствием пользовались помощью Хаджи-Мурата, но вскоре помощник стал слишком могущественен, и они решили избавиться от беспокойного союзника. Он был обвинен в тайных связях с неприятелем и вызван в военный трибунал. После семи лет знакомства с русскими и их законами и методами Хаджи-Мурат узнал достаточно, чтобы понимать, что его ожидало. Национальное чувство вновь проснулось в нем, и он предпочел подчиниться имаму, чем чахнуть в забвении в русской тюрьме. Он послал Шамилю письмо: «Я стал жертвой неблагодарности тех, кого, как мне казалось, я мог называть друзьями и кому я помог завоевать половину Дагестана. Я – беженец и изгой в своей собственной стране. Аллах покарал меня за служение врагу. Имам Шамиль, мой злейший враг, я отдаю себя в твои руки. Ты испытал силу моего оружия в качестве моего врага, позволь мне теперь сражаться за тебя».

Шамиль дал великодушный ответ врагу, просящему его покровительства: «Аллах сбивает людей с пути, но он также возвращает их обратно на правильную тропу. Приходи ко мне. Мои руки распростерты, чтобы принять тебя». Враги примирились, однако ими двигала лишь их общая ненависть к русским; подспудно же продолжали сохраняться их старые подозрения по отношению друг к другу. Больше десяти лет они бок о бок с переменным успехом воевали против русских. Затем сопротивление горских народов истощилось. Хаджи-Мурат был вынужден сдаться превосходящим силам князя Воронцова, и прежняя ненависть Шамиля к «предателю» проснулась вновь. Он даже поверил в то, что Хаджи-Мурат

опять заключил тайное соглашение с русскими. Мечь Шамиля была ужасна, но не по отношению к самому сопернику, которому он был не в силах причинить вреда, а по отношению к его юному сыну, находившемуся в его власти: ему выкололи глаза¹⁰.

Судьба, однако, настигла и его самого. Не будучи более в состоянии сопротивляться, он сдался князю Барятинскому. Шамиль, последний правитель Кавказа, умер в Калуге в русской тюрьме¹¹.

Плененный Хаджи-Мурат был доставлен к барону Кноррингу, который попытался отнестись к нему как к низшему по рангу. Взбешенный Мурат резко возразил, что он сдался князю Воронцову, а не барону, и повернулся к нему спиной. Барон Кнорринг был оскорблен, и безобразная сцена могла последовать за этим, не спаси ситуацию одна красивая женщина. Княгиня Воронцова, поняв, в какое сложное положение поставил себя Хаджи-Мурат, своевременно заметила: «Ах, барон, я надеюсь, вы не намерены портить такой чудесный день!» Улыбка дамы смогла успокоить гнев барона.

С этого момента с Хаджи-Муратом обращались как с гостем. Необычного чужеземца часто звали в светское общество, но он находил там мало приятного для себя. Однажды, когда он был приглашен на бал, его так и не смогли уговорить хотя бы немного потанцевать или просто присесть. Кто-то сделал замечание о красоте русских дам и поинтересовался его мнением, которое оказалось не очень лестным: «Обнаженные женщины! Наши женщины прикрывают свои плечи и груди!» Несмотря на дружелюбие его пленителей, он думал о побеге, и однажды воспользовался данным ему разрешением на верховую прогулку, чтобы сбежать от своих охранников. Отправленные по его следам казаки обнаружили его на следующий день. Они окружили его и после оказанного им отчаянного сопротивления убили. В кавказских повестях Толстого этот героический бой обрел свое поэтическое описание.

Битва за Кавказ была окончена, однако эпохе страданий кавказцев предстояло продлиться намного дольше. Князь Воронцов, завоеватель, старавшийся действовать с политической проницательностью, хотел предоставить народам Кавказа некоторую степень самоуправления. Но он столкнулся с ожесточенным противодействием российской бюрократии и был вынужден уступить, так как активизировавшиеся к тому времени панслависты оказались ему не по зубам. Александр II, благородный и рыцарственный человек, пытался сделать что-то полезное, особенно для знати, и учредил черкесский императорский конвой, который оставался верным и преданным ему. Бывшие враги стали надежнейшими из вассалов, ибо аристократ никогда не изменяет присяге. Царь старался примириться с нами, проводя по отношению к нам такую же политику, что и по отношению к финнам и прибалтам. Но его наместники были русскими наместниками, а это значит, что вскоре воцарилась невообразимая тирания, от которой пострадала среди прочих и моя семья. В деревнях повсеместно крестьяне были поставлены под власть диких и пьяных казаков, этих ненавистных пришельцев, которые опустошали землю, убивали мужчин и жестокими насилиями доводили до смерти женщин и девушек. Русские крестьяне-переселенцы и казаки способствовали вырождению земли, так как не умели на ней хозяйствовать. Последние следы многовековой кавказской культуры, некогда приведшей в изумление и восхищение князя Воронцова, были разрушены, а голодные и обнищавшие горцы превратились в разбойников. Большая часть земельных владений знати была изъята у нее посредством так называемого выкупа, однако несколько полученных серебряных рублей столько раз переходили, согласно сделке, из рук в руки, что многие семьи оказались разорены. В результате мы тоже

лишились обширных поместий, переданных кубанским и терским казакам, совершенно их запустившим.

Грузия ранее заключила добровольный пакт с Россией, но была жестоко предана. Когда Александр III, «православный славянский государь всея Руси», вззошел на престол, гнет стал невыносимым. Бесчисленное количество семей отправилось в изгнание просто потому, что их земли были отобраны. Торжественные соглашения нарушались, обещания игнорировались, как позднее это имело место также в Эстонии, Ливонии, Курляндии и Финляндии. Слово царя стало пустым звуком. «Православнейший» царь организовал настоящий крестовый поход против своих новых подданных-мусульман. Ожесточенные конфликты градом сыпались на злополучную землю; людей толкали к восстанию против их господ, множество представителей знати было сослано. Один царь, одна земля, один народ, одна вера! Таков был лозунг жестокого правителя, и его сын и наследник пожал ужасную жатву, семена которой были посеяны отцом. Эта разрушительная политика не могла не привести к крушению трона и самих устоев государства. Русский *чин*, этот узкокастовый дух, заложил основу революции, первые раскаты грома которой прозвучали во время восстания 1905 года и которой предстояло завершиться в октябре 1917 года, когда большевизм стер с лица земли царизм. Подобно тому как Людовик XVI поплатился за грехи Людовика XIV и Людовика XV, убийство императорской семьи в Екатеринбурге стало страшным последствием тиранической политики Александра III. Николай II, слабый и мягкосердечный царь, имел, несомненно, самые благие намерения, но ему пришлось заплатить по счетам его предков.

Об Александре II, самом европейском из царей, рассказывали любопытную историю. Однажды, когда очередное известие о коррупции на Кавказе наделало слишком много шума, один из его министров предложил передать Кавказ со всеми потро-

хами под управление немцев, чтобы они превратили его в выгодное предприятие. Царь со смехом ответил: «Это бесполезно. Все, что немцы приведут в порядок за девяносто девять лет, русский генерал-губернатор вновь разрушит на сотый год». Он знал свой народ!

3

Часто возникает один вопрос: те, кто знает о чрезвычайной любви кавказцев к свободе и их упорном сопротивлении русским, не верят в то, что они могли столь безропотно покориться большевистскому режиму. Даже в центральной России, не говоря уже об Украине, а еще больше в отдаленных областях обширного советского государства время от времени вспыхивают волнения, отчаянные бунты мирного, плохо вооруженного населения, неизменно подавляемые со зверской жестокостью. Как в таком случае такие известные своей воинственностью народы, как черкесы и дагестанцы, могут смиренно терпеть на своих шеях большевистское ярмо? Ведь черкесские матери поют своим детям перед сном героические песни, отцы рассказывают сыновьям о военных подвигах предков, а традиции Шамиля, борца за свободу, священны и незабвенны. Советское правительство прекрасно все это знает и изо всех сил старается не ворошить этот осиный улей. Оно давно оставило усилия по превращению горцев в послушных и довольных коммунистов. Правда, в городах у подножия Северного Кавказа имеются так называемые райсоветы, но они благоразумно воздерживаются от попыток проникнуть в тайны жителей гор. Ничего хорошего из этого не выйдет. Необходимо отдать должное руководителям советского государства за понимание того, как далеко они в состоянии зайти, и за заключение ими неписаного соглашения с северокавказскими племенами: «Признайте советский режим официально, и можете жить так, как вам нравится». Так что, хотя номинально Кавказ разделен на ряд малень-

ких горных республик, на деле черкесы и дагестанцы сохраняют свои старинные обычаи и образ жизни точно так же, как они делали это при царях, не подчиняясь никакой реальной власти над ними.

Недавно мне попал в руки русский школьный учебник. В одной из его глав гордо перечислялись все те достижения и новшества, которые революция принесла различным народам России. Под заголовком «Кавказ» содержалось лишь одно предложение, констатирующее бессильно и обреченно: «Обычаи и нравы кавказцев не изменились после Октябрьской революции». И действительно, было бы очень жаль, если бы они изменились!

Русские никогда на деле не смогут овладеть Кавказом, пока среди нас есть мужчины. Наше представление о мужской храбрости нашло отражение в реальной истории из жизни моего народа. У одного знатного старика был сын, чья трусость отравляла жизнь отца. Наконец, будучи более не в силах терпеть этот позор и мириться с положением отца презренного сына, он вызвал его к себе и приказал принести ружье. Взяв ружье, он направил его себе в грудь и нажал на курок. Однако ружье дало осечку. «Аллах отверг мою жертву, мне суждено продолжать жить в бесчестии», – сокрушенно произнес старик. С этого дня сын преобразился. Мысль о том, что по его вине отец едва не расстался с жизнью, повергла его в ужас. Он стал совершать геройские подвиги и пал в бою. И отец был счастлив и горд. Таковы и наши женщины. Жена черкеса не плачет, когда ее муж или сын гибнет в сражении. Она гордится его геройской смертью, несмотря на свое горе. Как все благородные народы, кавказцы считают, что смерть предпочтительнее рабства.

ГЛАВА II

Невозможно говорить о кавказцах как о едином народе. Ни в одной стране мира столь малая, ограниченная территория не

содержит такую колоритную смесь племен. И каждый народ имеет свои собственные верования, свою собственную культуру и обычаи и, как правило, свой собственный язык. Кавказские наречия известны филологам всего мира своей сложностью; соседствующие народы зачастую с трудом понимают друг друга.

Помимо казачьих поселенцев, на Кавказе живет много русских и немцев. Как и в любой другой стране, здесь имеются также евреи. К самой низшей прослойке относятся армяне. В Константинополе есть поговорка о том, что один грек и два еврея равняются одному армянину; иными словами, армянину нельзя доверять в делах. Я не стану заходить так далеко, чтобы оправдывать убийства армян в Турции, но до некоторой степени могу понять их, когда думаю о том, какую роль сыграли там прежде всего армяне из диаспоры. Когда какой-нибудь народ столь нелюбим повсеместно, под этим что-то должно крыться. На Кавказе они являются презируемыми торговцами и встречаются во всех его частях.

Юг и центр занимают грузины – беззаботный, холерический и ненадежный народ. Грабители-ингуши имеют одну общую черту с дикими курдами – они храбры и воинственны. Также здесь проживает несколько татарских¹² племен – хороших земледельцев, скотоводов и торговцев.

В 1793 и 1794 годах советник императорского правительства доктор Симон Паллас посетил с милостивого разрешения царицы Кавказ и позднее опубликовал свои «Заметки о путешествии» (Мартини, Лейпциг, 1799)¹³. Он внимательно изучал окружающий мир и был проницательным наблюдателем, и в том, что касается Северного Кавказа, его труд служит прекрасным руководством. О черкесах он пишет:

«Воинственная раса черкесов живет главным образом у подножий гор и распространяется на прилегающие красивые равнины, откуда они выгнали большую часть прежних жителей, сделав эту землю

своей. Они – рыцари со вполне развитой феодальной системой вассалов и крепостных. ... С этой точки зрения князья и дворяне могут считаться единственными, кто образует данную расу, поскольку их крепостные – это почти сплошь захваченные в войнах с другими народами рабы, которые восприняли речь своих хозяев и с которыми довольно сносно обходятся. И едва ли можно сомневаться, что столь свободолюбивая и отважная аристократия лишь с величайшим трудом подчиниться какому бы то ни было чужеземному игу, учитывая ее гордый нрав и беспрестанное сопротивление. ... К счастью, внутренние междоусобицы и разделение власти между множеством мелких князей делают этот доблестный народ менее опасным. Весьма желательно, чтобы они превратились в хороших подданных, не утрачивая своей храбрости и героического характера, ... ибо очевидно, что в таком случае не найдется более стойкой и бесстрашной легкой кавалерии ни на одном поле боя».

Северный Кавказ – страна гор. Его жители – осетины, лезгины, кабардинцы, чеченцы и черкесы – имеют очень схожие нравы и обычаи. Осетины хвалятся происхождением от остготов, и, хотя это невозможно установить доподлинно, в этом нет ничего невероятного. Явные германские черты можно обнаружить в их легендах и обычаях, к тому же большинство из них светловолосы и голубоглазы. Черкесы в своем большинстве тоже имеют довольно светлые волосы, но карие глаза, а более темные типажи среди них обычно являются результатом смешения с другими народами. Наши мужчины высоки ростом и хорошо сложены, а их учтивость и искусство верховой езды общеизвестны. Однако прекраснейшим достоянием Кавказа являются его женщины. Слава об их красоте, грации и изяществе, их приятном характере, верности и высокой нравственности разошлась далеко, но она же сослужила им в прошлые века дурную службу, так как они стали самой вожделенной на-

градой в восточных гаремах. Победенные кавказские племена бывали вынуждены платить дань красивыми женщинами. У нас самих никогда не было никаких гаремов. Жесткая моногамия является правилом на Кавказе, и я не могу припомнить ни одного примера несчастливого брака. Кавказская женщина – не объект торговли, переходящий от отца к мужу за определенную плату. Она – спутница своего мужа, воспитательница своих детей и полная хозяйка в своем доме. Молодой человек имеет достаточно возможностей для того, чтобы видаться с любимой девушкой и хорошо узнать ее. Помолвка и последующая женитьба происходят в соответствии с установленными традициями.

Кровного брата либо «названного брата» (то есть лучшего друга) жениха отправляют к отцу девушки. Шафер, сопровождаемый, в зависимости от статуса жениха, маленькой или большой компанией друзей, привозит с собой выкуп, который ни в коей мере не является платой за невесту, а лишь взносом от жениха в счет нередко значительных расходов на свадебные торжества. В дополнение к деньгам преподносится также молодая лошадь, что было обычным подарком и у германских племен. Затем сваты приступают к подготовке всего того, что может потребоваться компании крепких молодых людей в смысле еды и выпивки, хотя среди нашего народа не встречается неумеренность в употреблении спиртного, свойственная русским. За этим следуют веселенькие дни: охота, танцы, игры всевозможного рода сменяют друг друга до тех пор, пока шафер и его спутники не возвратятся домой и не будет назначен день свадьбы. После этого жених снова посылает группу всадников, на сей раз для того, чтобы они эскортировали невесту. Их принимают с еще большими торжествами, угощениями и увеселениями (можете сами судить, как мало остается от *калыма*, или выкупа, по завершении всего этого!), и, наконец, в один из дней невеста отъезжает со своего

двора в своем свадебном экипаже вместе со своей кормилицей, а также сестрой или родственницей жениха, в сопровождении компании вооруженных мужчин.

Поднявшись по ковровой дорожке, невеста на своих туфельках с серебряными каблучками плавно, нерешительной поступью входит в дом своего мужа. В зале ее приветствуют его родители, и теперь начинается торжество в доме жениха. Пока гости от души веселятся, жених пытается ослабить пояс своей невесты, а через три дня после свадьбы она надевает вуаль. В течение всего первого года ей возбраняется выполнять какую бы то ни было работу.

Красочный наряд черкесских женщин чрезвычайно живописен. Плотное облегающее *каппалта*, предназначенное для торжественных случаев, застегивается у самого горла и отделяется золотым шитьем. Рукава от локтя до запястья также обрамляются золотом и серебром. Волосы заплетаются в косы и покрываются аккуратной круглой шапочкой *хода* с металлическими украшениями. Ношение такого костюма требует совершенной фигуры, и для этого черкесская девочка в очень раннем возрасте помещается в узкий корсет. Поскольку полнота считается крайне непривлекательной, даже грудь остается туго завязанной до тех пор, пока не будет достигнута желаемая стройность.

Мужской костюм не менее привлекателен. Похожий на рубаху сюртук из белого или черного шелка, *бешмет*, одевают под доходящую до колен плотно прилегающую *черкеску* черного или коричневого цвета, хотя в некоторых районах она может быть и более светлых тонов в праздничные дни. Большие накладные карманы на каждой стороне груди застегиваются на серебряные пуговицы. Под черкеской мужчины носят длинные штаны и не имеющие каблучков сапожки *дзатур*. Узкий кожаный пояс и кинжал отделаны серебром, но в умеренном количестве, так как чрезмерная склонность к украшениям считается

признаком дурного вкуса. Это мы предоставляем русским и казакам, которые, когда наряжаются в черкески, выглядят так же нелепо, как экскурсанты в Тироле, облачившиеся в кожаные шорты. Длинный кинжал носится на поясе; крестьяне и слуги носят лишь короткий нож, а саблю в старые времена разрешалось носить только представителям знати. В сущности, кинжал подобен короткой сабле без гарды.

Внешний вид оружия разнится в мелких деталях так сильно, что знатоки могут тотчас определить, из какого района и даже из какой семьи происходит его владелец. Наш костюм и форма сабли были переняты некоторыми группами казаков, но они неизменно добавляли к ним что-либо в своем духе: к примеру, шелковый платок к *папахе*, заимствованному у нас высокому головному убору из овчины.

Дом знатного черкеса окружен высокой стеной и состоит, помимо хозяйственных построек, конюшен и жилищ прислуги, из двух отдельных зданий. В хозяйском доме проживает семья, тогда как воинский или гостевой дом служит для размещения гостей и неженатых сыновей хозяина. Два дома никогда не находятся под общей крышей, и гостевой дом или *кунацкая* обычно состоит из нескольких спален, зала, столовой и вестибюля.

Прием и развлечение гостей регулируются тщательно продуманным этикетом. Если хозяин встречает особо почетного гостя, он сам держит его стремя, пока тот спешивается. Затем гостя препровождают в вестибюль *кунацкой*, где один из сыновей хозяина забирает его кинжал и саблю и заносит их следом за ним в зал, в то время как оружие его спутников развешивается в вестибюле. Только на этом этапе мужчины обмениваются рукопожатиями, причем гость садится раньше хозяина, будь даже последний старше. Молодые люди и вовсе не могут садиться в присутствии гостей, а также разговаривать, пока не заговорят с ними самими, – превосходный обычай!

После этого гостю предлагают пироги с начинкой из сливочного сыра. Он отламывает маленький кусочек и передает блюдо дальше. Тем временем режут барана – естественно, не до приезда гостя, поскольку крайне неприлично класть перед ним мясо заранее зарезанного животного, – и внесенная на серебряном подносе баранья голова подается и съедается с большими церемониями. Далее в огромной чаше вносят приветственный напиток – *багани*, местное густое темно-коричневое пиво, – и лишь после того как этот кубок обойдет по кругу, передаваясь из рук в руки, всех присутствующих, появляется главное блюдо в виде жареной баранины. После этого пиво разливается по отдельным бокалам и обстановка принимает менее формальный характер.

Хозяин и не помышляет о том, чтобы поинтересоваться у гостя целью его визита. Считается высшей степенью неучтивости само упоминание об этом раньше, чем по прошествии недели после его приезда, в течение которой прилагаются все усилия для организации приятного времяпрепровождения гостя. Молодежь устраивает джигитовки – демонстрацию искусства самой отчаянной верховой езды, являющейся любимым развлечением этой нации наездников. Девушки исполняют для гостей танцы, в которых главную роль играют дочери хозяина. Затем молодые люди и девушки выстраиваются в ряд напротив друг друга и начинают танцевать лезгинку или какой-нибудь другой красивый старинный черкесский танец, показывающий безупречную грацию кавказских женщин. Вечером хозяин сопровождает гостя до его спальни, а хозяйские сыновья приносят ему его оружие – отголосок прежних воинственных времен, когда было небезопасно спать без находящегося в пределах досягаемости оружия. До недавнего времени в распоряжение гостя предоставлялась девушка или женщина из села.

Как правило, с целью развлечения гостя устраивается охота; это или охота с

гончими на зайцев, лис и волков, или же соколиная охота, обычно с пойманными в капкан птицами. Кавказ чрезвычайно богат дичью, хотя, наверное, правильнее сказать это в прошедшем времени, так как большевики безжалостно вырубали леса и истребили диких животных. На севере у нас водились медведи, благородные олени, кабаны, горные козлы и волки. Удавалось подстрелить беркута, а грифы и всевозможная пернатая дичь имелись в изобилии. В Армении можно было добыть также шакалов и леопардов.

Кавказ и в самом деле является обетованной землей. Его реки богаты всевозможной рыбой. Почва плодородна и во многих местах девственна. Мягкий климат позволяет выращивать любые виды фруктов и овощей. Также процветают просо и кукуруза, из которых изготавливаются пресные грузинские плоские лепешки. Вся страна хорошо орошаема, так что каждый дюйм ее почвы может возделываться, и черкес, в отличие от беспокойных кочевых племен, является умелым и прилежным земледельцем, глубоко привязанным к своей родине. Именно эта любовь к своей стране дала ему сверхчеловеческую силу для сопротивления на протяжении семидесяти с лишним лет более могущественному врагу. Однако сегодня на Северном Кавказе насчитывается лишь около трех миллионов коренных жителей, при том что примерно 300000 ушли в Турцию в результате войн с русскими. О них я еще расскажу подробнее, так как именно передо мной будет поставлена важная задача попытаться вернуть их обратно.

Немногие народы могут похвастаться более утонченными традициями, чем черкесы: почитание родителей и стариков, уважение к женщинам (в отличие от восточного мусульманства), безоговорочная лояльность другу и гостю и абсолютная честность по отношению к врагу. «Рука – другу, кулак – врагу», – гласит одна из черкесских пословиц. Основной религией в стране является ислам, хотя в

некоторых случаях мусульманами были восприняты христианские обычаи, равно как христианами – мусульманские. Нам не возбранялось есть свинину, если это был свежеебитый дикий кабан, а не животное, купленное у армянских торговцев. Согласно Корану, мы не могли употреблять спиртное, но с тем большим азартом мы делали это неофициально. И действительно, трудно было бы отказаться от великолепных местных вин – абхазского белого, грузинского «Напареули» и в особенности чудесного кахетинского красного вина, напоминающего бургундское.

Предания о старых богах и героях, устно передающиеся из поколения в поколение, напоминают германские легенды: в сущности, германские боги, вероятно, происходят с Кавказа, этой «колыбели человечества», где впервые поселились индогерманские племена.

Легенды гор столь же прекрасны, сколь и сами эти вершины. Казбек – это гора Прометей, обретшего там судьбоносную идею богоподобности. Эльбрус – это кавказский Олимп, дом богов, именуемый на нашем языке Ошхамахо, «Гора счастья», или Джин-Падишах, «Повелитель духов». Его склоны – вход в подземный рай, в котором вечно юные феи вознаграждают павших воинов за их храбрость своей любовью. Глубоко в сердце горы царствует в своем одиноком величии с начала времен бог-орел, смотрящий одним глазом в прошлое, а другим – в будущее. Иногда он летает на своих могучих крыльях над миром, и, если видит добрых мужей, радующих его сердце, он улыбается и все люди становятся счастливы, если же он наблюдает зло, трусость и предательство, он страдает и сердится, и все живые существа на суше и в море дрожат и трепещут от его гнева.

Кавказские селения или, как их называют, *аулы* жмутся, подобно ласточкиным гнездам, к крутым склонам гор, зачастую будучи доступны лишь по единственной тропе. В случае войны они легко могут быть превращены в почти неприступные

крепости, в силу чего русским приходилось захватывать их шаг за шагом и дом за домом. Это уединение делает местных жителей склонными к раздумьям и созерцательности, и многим пожилым людям приписываются сверхъестественные способности. Я сам был свидетелем двух следующих случаев.

Молодая женщина в одном из селений заболела таинственной болезнью. Никто не мог ей ничем помочь, и в конце концов на помощь были призваны магические силы. Знахарь подвел женщину к очагу, подержал ее руки в раскаленных, пылающих углях и через некоторое время вынул их оттуда целыми и невредимыми. В тот же день женщина выздоровела.

Как-то волки вышли из-под контроля и стали истреблять стада. Все попытки выследить и перестрелять их оказались безрезультатны. Тогда была вызвана сельская знахарка, а поскольку в тот период у нас в доме находились гости, мы все, преисполненные любопытства, последовали за ней, чтобы посмотреть, что она будет делать. Мы доехали верхом до коровьих пастбищ и увидели, что она чертит круг вокруг стада, бормоча какие-то заклинания. Затем она спокойно ушла домой. Несколько разочарованные, мы следующей ночью спрятались на некотором расстоянии от того места. К нашему безграничному изумлению, мы увидели, как волки приближаются, окружают с воем стадо, доходя точно до волшебного круга, после чего резко останавливаются, словно упершись в стену. Они не тронули ни одной коровы.

ГЛАВА III

Солнечный свет и белое цветение, и еще тонкое благоухание в воздухе – вот вещи, которые вспоминаются мне, когда я думаю о своем детстве. Всепронизывающий аромат цветов в особенности неотделим для меня от мысли о доме; я ощущал его даже в большевистских тюрьмах. Весной наш парк был морем цветов, и когда

горный ветерок покачивал деревья, под ногами образовывался ковер из опавших лепестков.

Там я играл в мои первые детские игры с моей няней под строгим надзором доброй старой Гупи. Гупи была идеальной детской нянечкой. Она держала в жестких рукавицах кормилицу Насибу и девушек, составлявших мой маленький «двор», и, поскольку я был самым младшим в семье (мои два брата и сестра были гораздо старше меня), избаловала меня до неприличия. Все, что я делал или приказывал делать, считалось правильным. Я и сейчас вижу перед собой ее добродушное лицо в обрамлении складок платка, который носили все замужние женщины. От Гупи я узнал кабардинский, который наряду с осетинским является обычным языком общения крестьян. Русский использовался нами дома, а французский – в обществе.

Наш дом стоял в роскошном саду площадью примерно в двадцать акров¹⁴, из которого вели тропинки в огромный красивый парк, полный вековых деревьев, диких груш и яблонь, – настоящий колдовской лес. Действие любой когда-либо написанной волшебной сказки могло бы происходить там. Собственно, у нас в селе был свой сказитель, старик, рассказывавший длинные истории, которые охватывали громадные расстояния во времени и пространстве, но неизменно начинались и заканчивались в наших лесах за садом. Духи, царевичи, драконы и рыцари, феи и прекрасные принцессы, карлики и гиганты, – для меня все они населяли этот парк. Сегодня большевики уничтожили эти волшебные сказки. Древние и для нас священные деревья, наделенные, по поверью, душами маленьких девочек, вырублены ради строительства тюрем. Дикая звери убиты или погибли в огне пожаров. Грязные сапоги красных орд вытоптали заботливо ухоженные цветочные клумбы – радость жизни моей матери.

Товарищами моих игр были сельские мальчишки из Туганова, лежавшего при-

близительно в миле от нашего дома. Они видели во мне своего предводителя, и я не отказывался от этой роли, хотя и не был чем-то особо замечательным мальчиком. Мы весело бродили по окрестностям, терроризируя добропорядочных сельчан своими играми в разбойников, пока однажды кто-то из моих приятелей чуть не отрубил мне руку страшным ударом своей «разбойничьей сабли», после чего мой отец решил, что пора положить конец столь реалистичному проявлению кавказских нравов.

Когда мальчик из знатного рода достиг возраста семи-восьми лет, его отправляли для продолжения воспитания в другую семью, где он оставался примерно до двенадцатилетнего возраста. Он жил так же, как и дети этого дома, а приемные родители считались родственниками семьи мальчика. Я был отправлен к Маряевым, старинной фамилии свободных крестьян, жившей примерно в двадцати пяти милях от нас, и на протяжении нескольких лет им пришлось вести упорную борьбу, чтобы нейтрализовать результаты воспитательных методов Гупи. Ко времени возвращения домой я достиг достаточного совершенства, чтобы привести в отчаяние нанятого мне гувернера. Это был российский немец, который делал все, что было в его силах, чтобы подготовить меня к императорской гимназии во Владикавказе. Я же определенно не старался облегчить его задачу и много раз подстраивал разные шутки ему и его жене, которую почему-то не мог переносить. После года подготовки меня отправили в школу, где я сдал трудный выпускной экзамен, предусмотренный русской образовательной программой.

Моя мать умерла в декабре 1895 года, когда мне было четырнадцать лет. Ее звали Иза, она была из фамилии Анзоровых, одной из самых древних и знатных в Кабарде. Все окрестные села скорбели вместе с нами, ибо она была всеобщей любимцей. Почти ежедневно в течение ее жизни

в наш двор въезжали экипажи, доставлявшие дам, которые желали побыть вместе с *алдар-ханум* (по-черкесски «княгиней»). В зависимости от положения посетительницы приветствовать ее посылали кого-то из членов семьи или прислуги. Затем гостью вводили в дом, где завязывалась веселая беседа, тем более оживленная, что ни одна дама не приезжала в одиночку. Чем выше был ее ранг, тем многочисленнее была свита. Моя мать тоже никогда не выходила из дома без сопровождения по меньшей мере двух спутниц, обычно почтенных дам из нашей округи или других ветвей фамилии. Визиты длились отнюдь не часы, а дни и порой даже месяцы, что означает, что дом никогда не бывал свободен от посетительниц. Отец не принимал большого участия в этом светском общении, поскольку, в соответствии с обычаем, хозяин дома, если у него нет своих собственных гостей, должен питаться один в кунацкой. Гости же ели вместе с матерью и нами, детьми, в доме, обслуживаемые исключительно женщинами, в то время как в кунацкой прислуживали только мужчины. Наши слуги не носили ливреи и являлись слугами лишь в часы своей работы. В остальное же время они были равны со свободными крестьянами и даже мы не могли обращаться с ними как с подчиненными. Они были вольными черкесами, носившими такую же одежду, как мы, и имевшими те же права.

Когда мальчики из нашей семьи находились в возрасте двенадцати-четырнадцати лет, им, по традиции, полагалось нанести официальные визиты в расположенные в окрестностях знатные дома. Когда наступила пора, я тоже был снаряжен в это путешествие, предполагавшее отнюдь не кратковременные посещения. Мне пришлось совершить верхом на лошади четырехмесячное путешествие, зачастую весьма изнурительное из-за то и дело разражавшихся ужасных кавказских бурь. Черные тучи нависали над горами, и начинала бушевать такая гроза, словно

в ее эпицентре находился сам бог грома. Даже *бурка*, тяжелая кавказская накидка из козьей шерсти, слабо защищала от ливневого дождя. С каждой стороны от меня ехал один старший родственник, а за нами следовали восемь местных парней. Нас везде принимали с весельем и радушием, и ни в одном из домов наше пребывание не продлилось меньше недели. После моего возвращения к нам стали прибывать ответные подарки: красивые скакуны с седлами или оружием. Черкесское седло делается из дерева и богато украшается в соответствии со вкусами владельца словеной костью или серебром; оно изогнуто спереди и сзади, а кожаная седельная подушка образует удобное сиденье. Трензельная уздечка является правилом.

До 1860 года мой отец был независимым правителем Дигории. Различные части его владений были разделены между родственниками, в подчинение которых добавлялось все больше и больше сел. Каждое село управлялось советом старейшин и муллою, мусульманским священником, назначавшимся моим отцом. Обычно муллою становился человек, побывавший в Мекке для поклонения могиле Пророка¹⁵ и имевший право носить тюрбан в дополнение к зеленой мантии. Это официальное платье, впрочем, он одевал только при исполнении своих религиозных обязанностей, нося в остальных случаях черкеску. Все споры выносились на рассмотрение совета и, как правило, решались полюбовно. Если спорящие не могли договориться или оставались не удовлетворены решением старейшин, они обращались к моему отцу, чей вердикт был окончательным. Наказанием за считавшиеся бесчестием преступления было изгнание, а степень их тяжести определялась исходя из причиненного сельской общине или племени вреда. Закон основывался на *шариате* и регулировал все семейные вопросы, обычаи, права собственности и взаимоотношения между людьми в целом. Вор был обязан возместить своей жертве двойную

стоимость украденного, а его мать или какая-либо другая женщина из его фамилии должна была поручиться, что он больше не будет красть. Если он вновь совершал кражу, тем самым он наносил обиду своей матери, что само по себе было наказанием, потому что уважение к женщинам было всеобщим правилом повседневной жизни. К примеру, если на улице мужчина встречал женщину, будь он даже гораздо более высокого положения по сравнению с ней, он непременно должен был уступить ей дорогу так, чтобы она смогла пройти с правой стороны от него, поскольку слева он носил оружие, вид которого мог испугать женщину. Когда наши крестьяне хотели обратиться к нам с просьбой, на удовлетворение которой не надеялись, они, как правило, посылали к моему отцу женщину, обычно с каким-нибудь нехитрым подарком, ибо знали, что князь не может отказать женщине, пусть и самого простого происхождения. Должен заметить, что, к чести наших женщин, они никогда не злоупотребляли этим правилом рыцарского кодекса.

На Кавказе нет смертной казни, потому что единственное заслуживающее этого наказания преступление – убийство – подлежит отмщению семьей самой жертвы. Кровная месть вовсе не исчезла под русским господством, и избежать ее было возможно лишь двумя путями: или семья убитого прощала убийцу (а такое прощение покупалось дорогой ценой), или же мать жертвы лично могла отпустить ему его вину. В последнем случае он должен был явиться к ней, она расстилала у его ног свой головной платок, и он касался ее груди своими губами. Отныне он становился ее сыном и принимал на себя все права и обязанности убитого. В нашей семье я столкнулся лишь с одним случаем кровной вражды, который завершился вполне безобидно. Когда я был еще ребенком, мой двоюродный дед убил во время ссоры свободного крестьянина, причинившего ему до этого серьезное зло. Деда сослали

в Иркутск, где он вместо того, чтобы отбывать наказание в тоске и раскаянии, жил припеваючи за счет своей семьи. Тем временем предпринимались все усилия для прекращения вражды между двумя фамилиями. Отец предлагал любую компенсацию и многие тысячи рублей, но все было тщетно. Наконец, дед сделал самую разумную вещь для человека в его положении: он умер. Убийцы больше не было в живых, но вражда перешла на его ни в чем не повинную семью. По прошествии какого-то времени, однако, мы перестали получать известия об этом. Не знаю, в чем была причина, но не иначе как крестьяне испугались сурового наказания, грозившего им за убийство князя. И действительно, убийцу ждала бы смертная казнь, а все его семейство – ссылка, страшное наказание для фанатично любящего свою страну черкеса.

Однажды, когда я был уже довольно взрослым, мне было поручено отвезти русского землеустроителя к границам наших владений, где он собирался произвести съемку. Когда мы подъехали к цели нашего путешествия, я заметил с немалой тревогой двух молодых людей из фамилии убитого, которые явно поджидали меня. Должен признать, что я испытал смешанные чувства, сознавая неотвратимость того момента, когда стану отличной мишенью для этой парочки, успевшей занять удобную, защищенную позицию на господствующей высоте. Пожелав в душе своему беспечному двоюродному деду оказаться в самом неудобном месте того света, я подстегнул лошадей и погнал их изо всех имевшихся у них сил, что, однако, не стало спасением от града камней, со свистом пролетавших рядом с моими ушами. Естественно, я был счастлив, что ни один из них не попал в меня, но одновременно испытывал и досаду оттого, что у русского сложится столь нелестное впечатление о метательных навыках черкесов. Когда мы были вне досягаемости, я обернулся, чтобы взглянуть на моего землеу-

строителя, и обнаружил его съезжившимся в углу повозки, бледным и дрожащим. Когда я натянул поводья и остановил лошадей, он уставился на меня мрачным, хмурым взглядом и сухо принял все мои извинения и оправдания. Ответа он меня не удостоил и всю дорогу до дома шел пешком. Думаю, впоследствии он рассказывал ужасные истории о нас и наших нравах!

После 1860 года владения Тугановых, подобно остальным кавказским имениям, перешли под контроль русских, и нам пришлось мириться с русской администрацией. Великий князь Михаил Николаевич, первый наместник Кавказа, имевший резиденцию в Тифлисе, был весьма уважаем за приятную и интеллигентную манеру обращения с находившимися в его подчинении людьми. Его преемник генерал Шереметьев разрушил многое из заложенного дипломатическими методами великим князем, пока к нам не прислали князя Голицына, искренне нелюбимого всеми типичного русского, с которым у моего отца сложились очень скверные отношения по следующей причине.

В нашей семье имелись две старинные реликвии, которым приписывались сверхъестественные свойства. Это были древняя сабля с неразборчивой надписью и бронзовая чаша с выгравированными на ней фигурами богов и животных и текстом, который, по мнению одного специалиста, был на санскрите. Помимо прочих магических свойств, сабля обладала способностью облегчать боли при родах. Ее слава была широко известна, и люди из ближних и дальних мест приходили просить о ее помощи. Тогда саблю и блюдо отправляли в дом будущей матери, где пожилая женщина неоспоримой добродетели наливала молоко поверх сабли в чашу в присутствии роженицы и затем давала ей его выпить. Самые тяжелые роды становились после этого легкими.

Князь Голицын прослышал о сабле и, будучи, по-видимому, весьма впечатлен, решил, что едва ли можно придумать луч-

ший подарок для наследника престола великого князя Николая, который тогда как раз совершал поездку по Кавказу. Он обратился к моему отцу с просьбой прислать ему саблю, но отец отказался. И в самом деле, у него не было никаких причин отдавать древнюю фамильную реликвию, к которой он был сильно привязан, одному из правителей страны, завоевавшей самым жестоким образом Кавказ и лишившей его самого положения независимого владельца крупной области. Однако, чтобы умиротворить князя Голицына, он послал ему прекрасного чистокровного скакуна с седлом и уздечкой в качестве подарка великому князю. Но Голицын так никогда и не простил отца за отказ дать саблю.

Традиции горной страны давали князю не только много прав, но и много обязанностей. Всякому, кто просил у него помощи, он был обязан оказать ее советом, покровительством и благодеянием. Следующими после знати были свободные крестьяне, обладавшие многими теми же правами, но вынужденные упорно трудиться, возделывая землю и для нас, и для себя. Из-за этого, впрочем, их не следует смешивать с крепостными, чье положение в сущности было вполне сносным, хотя они и не были свободны. Крепостной ни при каких обстоятельствах не мог носить оружие или нести военную службу, тогда как свободный крестьянин должен был вносить вклад в укрепление войска сообразно числу пригодных для этого лиц мужского пола в его семье. Разумеется, после русского завоевания положение дел изменилось. Теперь мы все должны были служить в армии империи, хотя в ней и имелись специальные полки для кавказцев, а многие кавказские князья, включая моего отца, были произведены в офицеры конвоя, не проведя ни одного дня на действительной службе. Я отслужил свой год в драгунском полку в Тифлисе, а позже на границе близ Карса. Этот полк особо отличился в русско-турецкой войне, получив право на ношение лавров на воротничках и манжетах.

Мои обязанности были не слишком обременительны, но чрезвычайно скучны. На деле я прослужил там всего четыре месяца, проведя остальное время в увольнениях. Самым интересным и долговременным знакомством, сделанным мной в армии, стало темное, густое кахетинское красное вино, которое даже примирило меня с тем фактом, что армянские женщины определенно не могут вызывать восхищения.

Однажды, когда я отбывал в очередное увольнение, наш капитан поручил мне сопровождать его молодую новообвенчанную жену к каким-то родственникам, у которых она должна была остаться. Одновременно мне была доверена красивая борзая, свет очей ее хозяина. Милая и обворожительная молодая женщина и я проделали вместе долгое и приятное путешествие, и я так увлекся ее охраной, что совершенно забыл про другую свою подопечную, которая во время короткой стоянки выпрыгнула из вагона, а, когда поезд вновь тронулся, оказалась застигнута врасплох на железнодорожном пути и погибла под колесами паровоза. Этот печальный результат моего назначения опекуном обеспечил мне злобные взгляды и язвительные замечания капитана, которые я глотал с чувством вины в душе. И при всем том это было славное путешествие!

Один из наших сослуживцев в полку страдал навязчивой идеей, что после смерти его могут не похоронить в достаточно просторном гробу. Будучи за исключением этой странности совершенно нормальным и чрезвычайно веселым малым, он заказал для себя образцовый экземпляр этого погребального атрибута, который постоянно возил с собой, несмотря на то, что мы часто меняли квартиры. Более того, он упорно предпочитал спать в своем гробу, что время от времени порождало неопишуемые сцены с участием добропорядочных крестьян и прочей набожной публики, впадавшей в простительное заблуждение, что русские драгуны возят с собой трупы.

Дома наш самый большой праздник года отмечался после сбора урожая. Из ближних и дальних мест приходили крестьяне и работники со своим инвентарем, и жилища сельчан заполнялись гостями. Наш собственный дом, естественно, бывал набит до отказа, и в конце концов, чтобы разместить продолжающих прибывать посетителей, во внутреннем дворе приходилось сооружать огромные навесы. Обильное застолье с льющим рекой сладким кавказским пивом багани сменялось танцами и состязаниями в джигитовке и стрельбе в цель, а снаружи под гигантскими старыми деревьями совершался праздничный благодарственный молебен, посвященный собранному урожаю. Фрукты из нашего лесопарка раздавались сельским беднякам, обменивавшим их на картофель у казаков, а те изготавливали из плодов своеобразный хмельной напиток наподобие шнапса. После же праздника жертвоприношения, отмечаемого в память о принесении в жертву Исмаила, резались животные, одно за каждого члена семьи в соответствии с его рангом: за отца и мать – по волу, за каждого из нас, детей, – по барану и так далее. Мясо отдавали мулле на нужды деревенской бедноты.

Раз в год мы устраивали скачки на нашем собственном скаковом круге, по случаю которых дом вновь наполнялся бурным весельем и множеством гостей. За назначенные моей семьей разнообразные призы разворачивалось острое соперничество. Скачки на чистокровных лошадях проводились согласно установленным правилам, но в дополнение к ним существовали и соревнования, открытые для всех наездников округа.

И рождение, и смерть человека сопровождалась в нашей стране множеством церемоний. Если ожидается появление на свет ребенка, разворачивается нештучное соревнование за то, чтобы стать первым, кто сообщит радостное известие его деду, бабке и прочим родственникам, поскольку доставившего долгожданную

новость ждет щедрый подарок, обычно лошадь. Однажды я был приглашен на обряд имянаречения, схожий с крещением в христианских странах, который проводится, когда ребенку бывает от двух до шести дней от роду. Я сел среди гостей и старейшин семьи свободных крестьян и отпраздновал это событие вместе с ними. Имя выбирается или главой семьи, или имянаречителем, который после этого до конца своей жизни принимает на себя обязанности второго отца ребенка. Самым замечательным на той церемонии было как раз таки выбранное имя, потому что ребенка называли Бисмарком. Старейшина сопровождал представление имени энергичной речью, в которой в волнительных выражениях рассказал о своем восхищении великим немецким государственным деятелем, о чьей жизни он в действительности мало что знал, но чье имя проникло даже в горы Кавказа. Сельский мулла потом без комментариев вписал необычное имя в метрическую книгу мечети.

Эти обычаи остались неизменными и под русским управлением, хотя для моего отца тогда изменилось многое. Непривычная праздность угнетала человека его характера, и он, чтобы занять себя, обратился к сугубо фамильным вопросам. Особое удовольствие ему доставил визит венгерского историка графа Зичи¹⁶, находившегося на Кавказе в поисках материала о династии Арпадов. Два пожилых господина предоставили друг другу немало ценной информации и остались крайне довольны своей беседой.

Вплоть до конца своей жизни мой отец был человеком богатырской силы. Он прожил восемьдесят три года и умер в седле за год до начала войны¹⁷. Мы похоронили его в соответствии с древним черкесским обычаем. Глашатаи были разосланы по всей стране ко всем, кто знал его. Гонец, приносящий весть о чьей-либо смерти, едет ровной короткой рысью, спешивается с правой стороны, и, медленно опустив свою поднятую вверх правую руку, про-

износит сначала имя Аллаха, а затем имя усопшего. Вновь сев на лошадь с правой стороны, он продолжает путь тем же шагом. Коран предписывает предать тело земле в течение двадцати четырех часов.

Вскоре прибыли наши друзья и родственники, и, выстроившись в длинный ряд, подходили к нам, скорбя, для выражения соболезнования. Старший из них поднял руку и прокричал имя Аллаха: «Есть

лишь единый Бог!» После этого мы отнесли покойного на кладбище. Он был завернут в белое полотно и положен в широкую могилу с лицом, обращенным в сторону Мекки. Одновременно его одежда и все вещи, которыми он пользовался в повседневной жизни, были распределены среди бедных. Ни одна вещь не может остаться в доме покойного, кроме оружия, которое переходит к его сыновьям. Такова воля Пророка. <...>

Примечания:

1. Автор местами употребляет термины «Дагестан» и «дагестанцы» применительно к Северному Кавказу и северокавказцам в целом. То же касается терминов «Черкесия» и «черкесы». Последние иногда используются им также в значениях «Осетия», «осетины». Возможно, такое смешение кавказской этногеографической номенклатуры является следствием длительного пребывания Туганова в Турции, где расширительное использование вышеназванных терминов считается нормой.

2. Мазурия – регион на северо-востоке современной Польши, до 1945 г. – часть Восточной Пруссии. Включает в себя Мазурское поозерье, где в период Первой мировой войны (в 1914 и 1915 гг.) русские потерпели тяжелые поражения от немцев.

3. Возможно, автор имеет в виду грузинский княжеский род Андрониковых (Андроникашвили).

4. Как хорошо известно, Кавказская война завершилась не при Николае I, умершем в 1855 г., а при его преемнике Александре II. Шамиль сдался русским в 1859 г., а война в Черкесии продолжалась до 1864 г.

5. Этот пассаж также не согласуется с историческими фактами. Паскевич покинул Кавказ в 1831 г., Барятинский же был назначен командующим левым флангом Кавказской линии в 1851 г. Сопrotивление части абхазских князей вхождению в состав России прекратилось в 1804-1807 гг., в дальнейшем в Абхазии имели место лишь локальные восстания.

6. Шамиль был не лезгином, а аварцем из селения Гимры.

7. Здесь автор путает Шамиля с Гамзат-беком, вторым имамом Дагестана (1832–1834), который и истребил аварских ханов.

8. Непосредственным убийцей Гамзат-бека был брат Хаджи-Мурата Осман.

9. Имеется в виду Мухаммед-Мирза Анзоров (1804–1851), кабардинский дворянин, активный сподвижник Шамиля.

10. Подобный факт не засвидетельствован в исторических документах.

11. Как известно, Шамиль вовсе не был брошен в тюрьму и жил в Калуге фактически в статусе почетного пленника. Позднее ему было позволено отправиться в хадж. Умер в 1871 г. в Медине, где и похоронен.

12. Татарами в дореволюционной традиции было принято именовать представителей тюркских народов России: закавказскими татарами – азербайджанцев, горскими татарами – карачаевцев и балкарцев и т.д.

13. Имеется в виду двухтомное сочинение немецкого ученого-энциклопедиста, есте-

ствоиспытателя и путешественника на русской службе Петера Симона Палласа (1741–1811), опубликованное на русском языке под названием «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства».

14. Акр – единица площади в англо-американской системе мер, равная 0,4 гектара.

15. Могила пророка Мухаммеда находится в Медине в мечети Масджид ан-Набави.

16. Венгерский политик и ученый Енё Зичи (1837–1906) в 1890-х гг. совершил три путешествия по Кавказу, Сибири и Центральной Азии в поисках мадьярской прародины. Результаты его исследований опубликованы в нескольких трудах на французском, немецком и венгерском языках.

17. Имеется в виду Первая мировая война.

Перевод с турецкого и примечания
Г.В. Чочиева

-
1. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 662.
 2. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д. 16.
 3. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 925.
 4. Разведчик. 09.03.1893. № 126.
 5. Tuganov M. Çarlıktan Çeka'ya, Çeka'dan Özgürlüğe. İstanbul: Apra Yayıncılık, 2015. 192 с.
 6. Karayel E. Prens Musa Bey Tuganov'un Kabrini Nerede Bulduk? // Kafkasya Kitapları. Apra Yayıncılık'in Kitap Vyltenidir. № 2. 2015. С. 5-8, 15.
 7. Цуциев А.А. Избежавший расстрела Мусса Бей Туганов // Известия СОИГСИ. Вып. 11 (50). 2014. С. 112-113.
 8. Князь Мусса Бей Туганов. Вызванный на расстрел // Известия СОИГСИ. Вып. 11 (50). 2014. С. 114-129.

Marzoev, Islam-bek T. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; is-bek@yandex.ru

Chochiev, Georgy V. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; georg-choch@yandex.ru

CAUCASIAN MEMORIES OF MOUSSA-BIY TUGANOV.

Keywords: Russia, Caucasus, Ossetia, memoirs, aristocracy, revolution, civil war.

An important feature of memoirs is the narrative of the events in which the author was directly involved. The present work deals with the memories of the Caucasian immigrant Moussa-BiyDzhanhotovichTuganov who lived a hard life full of tragedies and hardships. Born to the family of an Ossetian aristocrat, an officer of the Russian Imperial army, Moussa-Biy spent his childhood in his native Ossetia. For several years he as a qan (pupil) stayed in the family of atalyks (educators). Subsequently, after receiving primary home education, he graduated from the men's classical school in Vladikavkaz. Like his father, he began his career in the Russian army, later participated in the First World War and the civil war in Russia as part of the Denikin Volunteer Army. Later, failing to emigrate, he was arrested by the Soviet authorities and having miraculously avoided execution was exiled to a labor camp near Pskov. Having managed to escape from the camp, he got through Latvia to Germany and later moved to Sweden, where he died in 1950 and was buried in the suburbs of Stockholm. M. Tuganov's memoirs cover the whole life of the author reflecting its different periods. There exists inevitable subjectivity, which can be explained by the refraction of the events described

by the author through the prism of his perception. The significance of the memoirs of Tuganov proposed to the reader's attention lies in the detailed description of Ossetian national traditions and customs, which are illustrated by the works of folklore. The author tells about the tragic events in the early-20th-century Russia and the Caucasus. This work, now translated into Russian and for the first time introduced into scientific circulation, is a valuable historical source for the researchers of pre-revolutionary Ossetia and Russia.

REFERENCES

1. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-A (TsGA RSO-A)* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 12. Inventory 6. Case 662.
2. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 262. Inventory 1. Case 16.
3. *TsGA RSO-A [CSA RNO-A]*. Fund 12. Inventory 6. Case 925.
4. *Razvedchik* [Scout]. 09.03.1893, no 126.
5. Tuganov, M. *Çarlıktan Çeka'ya, Çeka'dan Özgürlüğe*. İstanbul, Apra Yayıncılık, 2015, 192 pp.
6. Karayel, E. Prens Musa Bey Tuganov'un Kabrini Nerede Bulduk? Kafkasya Kitapları. Apra Yayıncılık'ın Kitap Bültenidir. 2015, no 2, pp. 5-8, 15.
7. Tsutsiev, A. A. *Izbezhavshii rasstrela Mussa Bei Tuganov* [The execution escapee Moussa Bey Tuganov]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2014, iss. 11 (50), pp. 112-113.
8. Prince Mussa Bei Tuganov. *Vyzvannyi na rasstrel* [Called to be executed]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2014, iss. 11 (50), pp. 114-129.